

Телефон завибрировал — пришло сообщение в WeChat.

— Ну что еще, Тянь Сяюй? — пробормотал Цяо Юаньлинь.

Он просунул правую руку под левую подмышку, вытащил телефон и открыл приложение. Аватарка с Суперменом поднялась в самый верх списка, а рядом горел красный кружок с единицей.

Лян Чэн прислал короткую строчку: «Послушай, поднялся ветер».

Отправлять такое странное сообщение в полночь... Первой мыслью Цяо Юаньлиня было: «Восставший мертвец». Но, вчитавшись, он подумал, что восстал этот мертвец как-то слишком поэтично.

Рядом зашелестели страницы книги. Из оконной щели сквозило прохладой, снаружи завывал ветер, и вскоре по стеклу с громким стуком забарабанили первые капли дождя.

Действительно, поднялся ветер. Цяо Юаньлинь ответил: «Дождь пошел».

Супермен: «Собери одежду».

Так вот к чему он клонил!

Цяо Юаньлинь нацепил тапочки и пошел на балкон. Его собственные вещи давно высохли, и Ван Жуйчжи прибрала их в шкаф. На веревке висело лишь несколько вещей Лян Чэна. Дождь расходился все сильнее, так что Цяо Юаньлинь сгреб все охапкой и унес к себе в комнату.

Он включил свет в спальне Лян Чэна. В полупустой комнате царил идеальный порядок, не чета его собственной: простыня натянута так ровно, что ни единой складочки — даже как-то не по-человечески.

Цяо Юаньлинь встал у изножья кровати и широким жестом раскидал охапку одежды по постели. Сфотографировал этот беспорядок на телефон и отправил Лян Чэну в доказательство того, что вещи собраны.

Супермен не отвечал, но в строчке статуса упорно висело: «Печатает...»

Цяо Юаньлинь подождал немного. Ему нужно было возвращаться к учебе, поэтому он нетерпеливо набрал: «Ты что там строчишь?»

Отправив сообщение, он обомлел. Пальцы сработали на автопилоте — мышечная память, не иначе. На экране высветилось: «На какое именно из сообщений ты отвечаешь?»

Собеседник наконец перестал писать — очевидно, прочитал. Цяо Юаньлинь мысленно поклялся себе: если этот Лян вздумает над ним поиздеваться, он унесет все шмотки обратно под дождь.

Экран мигнул, пришел ответ от Супермена: «На любое».

Цяо Юаньлинь: «Что значит "на любое"?»

Супермен: «Сначала сложи вещи».

Понравилось командовать? Цяо Юаньлинь быстро напечатал: «Некогда. Я тебе не слуга».

Супермен: «Тогда забудь».

В Цяо Юаньлине вскипела злость. Забыть так забыть! Он развернулся, чтобы уйти, но у двери его обдало сквозняком. И этот порыв ветра показался совсем не таким приятным, как тот, что бил в лицо, когда он мчался на пассажирском сиденье мотоцикла.

Простояв в нерешительности полминуты, он вернулся к кровати и взял джинсы.

За все шестнадцать лет своей жизни Цяо Юаньлинь впервые сам снимал белье и впервые его складывал. И этот бесценный опыт он подарил какому-то подозрительному жильцу. Аккуратно сложив стопку у изголовья кровати, он сфотографировал результат и отправил Лян Чэну.

Минуты ожидания казались бесконечными из-за грызущего чувства унижения.

Но Лян Чэн снова пропал.

Цяо Юаньлинь пришел в ярость. К сожалению, ругаться он не умел, поэтому после долгих раздумий выдал лишь слабую и предельно вежливую фразу: «Брат, ты вообще слово держать умеешь?»

Дверь в комнату была распахнута настежь, и очередной порыв ветра разбросал бумаги на столе.

Все еще злясь, Цяо Юаньлинь собрал листы и с раздражением постучал ими по столу, выравнивая пачку. Опустив взгляд, он заметил, что весь текст написан на английском языке и так и пестрит длинными, сложными терминами.

Кое-где строчки были подчеркнуты красной ручкой, а на полях красовались пометки. Цяо Юаньлинь перелистнул страницу. В прошлый раз Лян Чэн бесцеремонно разглядывал его контрольную, так что если он сам взглянет на эти бумаги, это ведь не будет преступлением?

К своему разочарованию, он быстро понял, что хотя и знает английский, суть написанного уловить не может.

Выхватив взглядом несколько знакомых слов, он понял, что все они связаны с онкологией. Неужели это материалы какой-то медицинской диссертации или научной статьи?

Больше всего его озадачило другое: откуда у Лян Чэна такие документы? Да еще и с его собственными комментариями? Цяо Юаньлинь, конечно, не по всем предметам успевал одинаково хорошо, но не до такой же степени, чтобы уступать парню, который вообще нигде не учится?

Это уязвило его самолюбие. Он аккуратно сложив бумаги обратно, придавил их стаканом с водой и перед уходом сфотографировал первые три страницы.

Дождь усилился, и ветви деревьев за окном бушевали до самой глубокой ночи.

Лян Чэн так и не вернулся.

Едва рассвело, Цяо Юаньлинь с тяжелой головой открыл глаза. Какое-то время он лежал неподвижно, словно обмякшее дрожжевое тесто, и лишь потом заставил себя подняться и пойти умываться.

Собрав рюкзак, он спустился вниз. До начала занятий оставалось на сорок минут больше

обычного — теперь он не опоздал бы, даже если бы поехал в школу на трехколесном велосипеде.

Ван Жуйчжи только встала. Решив, что внук наконец-то взялся за ум, она спросила:

— Чего это ты так рано?

Цяо Юаньлинь стал обуваться у порога:

— Я и сам могу не опаздывать, без посторонней помощи.

Ван Жуйчжи кивнула:

— Верно, нужно рассчитывать на себя. Нельзя же каждый день кататься на чужом мотоцикле.

Цяо Юаньлинь затянул шнурки с такой силой, словно пытался перекрыть кровоток в стопе:

— Я предлагал ему деньги, он сам отказался. И вообще, с чего это «каждый день»? Сегодня я иду сам.

Ван Жуйчжи заметила:

— Конечно, сам, ведь Сяо Лян вчера снова не ночевал дома.

Цяо Юаньлинь удивился. Дверь в комнату квартиранта была закрыта, и он думал, что Лян Чэн спит. Но теперь он заметил, что на месте не было ни шлема, ни кроссовок Лян Чэна.

— Бабушка, а кем он вообще работает, что шляется где-то всю ночь напролет?

Ван Жуйчжи ответила:

— Я не спрашивала. Ты завтракать не будешь?

Цяо Юаньлинь поразился ее беспечности. «Надо будет как-нибудь расспросить его самого», — решил он и ответил:

— Куплю устричные лепешки в лавке напротив.

В переулке было сыро после дождя. Обходя лужи, Цяо Юаньлинь дошел до выхода на главную улицу. Стояла ранняя рань, обычно оживленная дорога сейчас казалась вымершей, и за все время мимо не проехало ни одного такси.

Зато в «Завтраках у У» на другой стороне улицы вовсю кипела жизнь. Все маленькие столики были заняты. Цяо Юаньлинь огляделся в поисках свободного места.

Вдруг он заметил припаркованный у обочины мотоцикл.

За столиком прямо у байка сидел Лян Чэн. Он как раз доел порцию шаомаев с говядиной и, случайно повернув голову, встретился взглядом с Цяо Юаньлинем через неширокую дорогу.

Чего это он вылутился?

Лян Чэн взял телефон и с опозданием на целую ночь ответил на вчерашнее сообщение: «Одежду сложил неплохо».

Цяо Юаньлинь так и подмывало заблокировать его. Перейдя дорогу, он подошел к столику Лян Чэна и крикнул хозяину заведения:

— Хозяин, мне одну устричную лепешку и миску каши!

Лян Чэн заметил:

— С утра пораньше — и такое жирное?

Цяо Юаньлинь добавил:

— Мне как раз пожирнее.

Когда заказ принесли, Цяо Юаньлинь сел за столик. Лян Чэн допивал соевое молоко. Брови его были хмуро сведены, под глазами залегли темные круги от бессонной ночи. Волосы и одежда, намокшие под вчерашним дождем, все еще сохраняли сырость и прохладу.

Внезапно он нарушил молчание:

— Что так рано вышел?

Цяо Юаньлинь ответил:

— Если выходить пораньше, не опоздаешь.

— Ну и ладно, — Лян Чэн кивнул в сторону мотоцикла. — Сегодня я бы тебя все равно не повез. Опасно рулить от усталости.

Цяо Юаньлинь принялся за устричную лепешку. С логикой у него все было в порядке: значило ли это, что сегодня нельзя, но в другой раз — можно?

Лян Чэн поднял на него глаза и, слегка приподняв уголки тонких губ, усмехнулся, не выпуская из рта трубочку:

— Мелкий, я не настолько необязательный человек.

Цяо Юаньлинь откусил приличный кусок и осторожно пробурчал с набитым ртом:

— А ты вообще надежный?

— Ну, так себе, — поддразнил его Лян Чэн. — Сколько за посадку платишь?

— Зависит от качества обслуживания, — отрезал Цяо Юаньлинь.

— Скорее уж от моего настроения, — хмыкнул Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь прекрасно понимал, что даже за деньги Лян Чэн не станет подвозить его каждый день. Тот регулярно возвращался глубокой ночью, а порой и вовсе пропадал до утра. Но куда больше поездок его сейчас волновал другой вопрос: чем Лян Чэн занимается?

Вчера он отвечал с огромными паузами — значит, был занят? Не спал всю ночь, попал под ливень... Неужели он работает на улице?

Цяо Юаньлиню было неловко спрашивать напрямую, поэтому он зашел издалека:

— Только с ночной смены?

— Можно и так сказать, — ответил Лян Чэн.

— Что значит «можно сказать»? — Цяо Юаньлинь не хотел терять время, чтобы не опоздать, и спросил в лоб: — Кем ты работаешь?

— А на кого я, по-твоему, похож? — парировал Лян Чэн.

Цяо Юаньлинь принялся перебирать варианты. Сотрудник «Макдоналдса»? Нет, с его-то гонором его бы уволили в первый же день. Курьер по доставке еды? Но почему тогда он не работал в предыдущие ночи? Билетер в кинотеатре?

Он вспомнил все заведения, работающие по ночам: караоке-клубы, бары, дискотеки... Он выдал подряд версий пять или шесть.

Лян Чэн слушал это с полнейшим равнодушием. Он слегка повернул голову, и его резкие, мужественные черты лица осветило утреннее солнце, проглянувшее после дождя. Золотистый свет не делал его теплее — напротив, он казался неправдоподобно, пугающе красивым.

Цяо Юаньлинь засмотрелся на эту картину, и у него в голове словно что-то переклинило. На автомате он ляпнул:

— Ты что, хост в ночном клубе?

Лян Чэн поперхнулся и выругался:

— Угадал. И я там, блядь, главная звезда.

Лян Чэн покатил мотоцикл обратно к ателье ципао. Припарковав и заперев байк, он увидел, что рольставни приоткрыты снизу. Он поднялся по ступеням и одним резким движением с улицы поднял их до конца.

Ван Жуйчжи, увидев его, улыбнулась:

— Ой, напугал меня. Вернулся?

Пожилая дама была одета в изящное ципао из шелка сяньюнь — изысканная и утонченная. Лян Чэн же стоял перед ней в полусырой одежде, от которой пахло застоявшейся дождевой водой.

Такой бабушке под стать был именно такой внук, как Цяо Юаньлинь. Лян Чэн жил с ними под одной крышей, но они явно были из совершенно разных миров. Судьба распределила все заранее, и у каждого был свой путь.

Лян Чэн и сам не понимал, к чему ему эти мысли. Должно быть, просто объелся шаомаями.

Он обошел Ван Жуйчжи и прошел в дом, оставляя на чистом полу цепочку грязных следов.

— Я потом вытру, — бросил он.